Гершуни ГА

РЕЧЬ

1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГЗ
Г425

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

28 МАР 1907

Государств. Публичная Библиотека в Ленинграде

ЦГЗ
Г425

РѢЧЬ

Г. А. ГЕРШУНИ,

произнесенная
на экстренномъ съѣздѣ
партіи
Соціалистовъ-Революціонеровъ.

АРХИВЪ
А. САВОЛЬСКА
№

1907.

1й О.Ф

К.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б)
411903

ЦГЗ
Г425

Рѣчь Г. А. Гершуни, произнесенная на экстренномъ съѣздѣ Партіи Соц.-Рев.

Товарищи! Я приступаю къ своей рѣчи съ нѣсколько тяжелымъ чувствомъ. Вопросы, связанные съ партійной тактикой въ думскій періодъ, на съѣздѣ оказались такими сложными, что потребовали двухдневныхъ страстныхъ преній. Высказалось уже около 50 ораторовъ. Вопросъ, несомнѣнно, исчерпанъ, врядъ ли можно сказать что либо новое, а между тѣмъ, вы, повидимому, ждете отъ насъ новаго слова. Я не сталъ бы отнимать у васъ дорогого времени. Но есть цѣлый рядъ обстоятельствъ, заставляющихъ меня воспользоваться своимъ словомъ.

Въ теченіе этихъ двухъ бурныхъ дней, слушая ораторовъ, я не могъ отдѣлаться отъ одной мысли: серьезные вопросы партія не впервые обсуждаетъ. Но впервые приходится эти вопросы рѣшать при такихъ необычайно серьезныхъ условіяхъ. Всѣ ли вы, товарищи, со всей ясностью представляете себѣ всю исключительную важность настоящаго момента, а стало быть и важность рѣшенія, которое мы сегодня примемъ.

Одна мысль, какъ грозная предостерегающая тѣнь, стоитъ неотлучно предо мною, и я хотѣлъ бы, чтобы она такъ же грозно стояла передъ вами. Это—сознаніе, что съ сегодняшняго дня мы уже не замкнутая конспиративная организація, а политическая Партія, выступившая на широкую общественную арену, Партія, рѣшенія которой могутъ въ извѣстной степени направить событія въ ту или иную сторону.

Сегодня мы примемъ рѣшеніе, и завтра оно станетъ извѣстнымъ всей странѣ, всему міру. Нашего рѣшенія ждутъ. И что, если характеръ его пойдетъ въ разрѣзъ съ ожиданіями и настроеніемъ пославшаго васъ трудящагося класса?

Вотъ эта то исключительная важность момента заставляетъ меня

140.47.

броситься въ самый огонь преній и высказать предъ вами свое мнѣніе. Я далекъ отъ мысли, что мое мнѣніе склонитъ результаты дебатовъ въ ту или иную сторону. Нѣтъ. Я рѣшаюсь говорить потому, что мнѣ кажется, наше высказывавшееся здѣсь разногласіе есть результатъ не дѣйствительнаго разногласія въ мнѣніяхъ, а плодъ недоразумѣнія. Наше разногласіе внѣшнее, и причина тому то, что ораторы сразу стали на совершенно невѣрную дорогу. Подождите, я вамъ сейчасъ это докажу.

Цѣль настоящаго экстреннаго съѣзда ясная и опредѣленная: намѣтить въ общихъ чертахъ тактику какъ партіи, такъ и ея парламентской группы въ Думѣ и внѣ Думы. Для всякаго стратега ясно, что выработать заранѣе опредѣленную детальную тактику совершенно невозможно, такъ какъ наша тактика есть разумная контръ-тактика правительственной и характеръ ея опредѣляется исключительно характеромъ и направленіемъ послѣдней.

И потому всѣ тѣ, которые основывали свою тактику, предполагая заранѣе извѣстную позицію правительства, стали на неблагодарный для политики путь пророчества. „Солнце дважды не освѣщаетъ одного и того же мнѣнія во дворѣ его Величества"—вотъ исчерпывающее опредѣленіе политики нашей камарильи. Это прекрасно поняли японцы, которые говорятъ, что съ русскимъ правительствомъ теперь не возможно имѣть никакого дѣла, такъ какъ никогда нельзя предсказать, какъ оно будетъ поступать завтра.

Наша задача, такимъ образомъ, должна свестись къ тому, чтобы установить принципы, которыми должны руководствоваться въ нашей контръ тактикѣ тактикѣ правительственной.

Но для того, чтобы установить правильную контръ тактику, намъ раньше всего необходимо выйти изъ области общихъ фразъ и революціонныхъ возгласовъ, учитывать дѣйствительность, а не мечтанія, спуститься съ облаковъ, „касаясь головой неба, упираться ногами въ грѣшную землю".

И раньше всего, ясно поставимъ себѣ вопросъ; чего мы хотимъ, какія у насъ средства для выполненія поставленной цѣли, и какимъ путемъ мы производительнѣе используемъ имѣющія въ нашемъ распоряженіи средства?

Здѣсь со всѣхъ сторонъ говорилось: вооруженное возстаніе! Дума нуль, намъ нечего расчитывать на Думу! Только вооруженное возстаніе способно спасти страну!

И я съ недоумѣніемъ думаю, зачѣмъ такъ много и такъ страстно говорить о вещахъ, такъ для всѣхъ очевидныхъ, и о которыхъ никто

не споритъ? Кто изъ насъ, да не только изъ насъ, соц.-рев., но изъ всѣхъ болѣе или менѣе сознательныхъ людей, сомнѣвается теперь въ томъ, что безъ вмѣшательства самого народа побѣда невозможна? Вопросъ теперь не въ томъ, чтобъ признать необходимость возстанія—съ этимъ согласны всѣ, а въ томъ, что дѣлать, чтобы это возстаніе, нами давнымъ давно признанное, было признано народомъ и начато имъ?

Вотъ вопросъ, вокругъ котораго здѣсь должны были сосредоточиться пренія. А между тѣмъ, объ этомъ то говорилось мало, и то, что говорилось, для меня, по крайней мѣрѣ, было совершенно неубѣдительно.

Товарищи! Важность момента насъ многому обязываетъ. И раньше всего она обязываетъ быть совершенно откровеннымъ и безстрашно смотрѣть въ глаза истинѣ.

Будемъ откровенны. Здѣсь многіе делегаты, работающіе среди крестьянъ, передавали ихъ настроеніе; крестьяне отъ Думы ничего не ждутъ, вѣрятъ только въ вооруженное возстаніе. О работѣ и говорить нечего. Но если такъ, спросили мы, въ чемъ же дѣло? Отчего же возстанія нѣтъ, а есть крестьянскіе и рабочіе депутаты въ Думу?

Я не сомнѣваюсь, что говорившіе здѣсь делегаты совершенно вѣрно схватили и передали намъ настроеніе крестьянскихъ и рабочихъ массъ... но съ маленькой оговоркой: тѣхъ массъ, съ которыми они, делегаты, сталкивались. И я отвѣчу имъ словами одного китайца, которому докторъ показывалъ благодарственныя письма выздоровѣвшихъ больныхъ: „вы показали мнѣ 100 писемъ отъ больныхъ, которые выздоровѣли; это хорошо. Но мнѣ еще надо знать, сколько писемъ вы получили бы отъ больныхъ, которые умерли, если бы мертвые могли писать?“.

Да! Намъ передаютъ мнѣніе сотенъ тысячъ крестьянъ и рабочихъ, готовыхъ идти въ возстаніе.

Но каково мнѣніе десятковъ милліоновъ, съ которыми наши депутаты не говорили, и настроенія которыхъ они не знаютъ? Я не боюсь здѣсь заявить, что мнѣніе нашихъ делегатовъ, вѣрное по отношенію къ массѣ, среди которой они работали, совершенно невѣрно по отношенію ко всей массѣ вообще.

У нашихъ работниковъ на мѣстахъ, вслѣдствіе неизбѣжной конспиративности, замкнутости и ограниченности круга сношеній, создается психологически неизбѣжный, такъ сказать, обманъ зрѣнія. Все время вращаясь среди распропагандированныхъ или во всякомъ случаѣ близкихъ къ тому крестьянъ и рабочихъ, наши работники постепенно на-

чинаютъ принимать мнѣніе и настроеніе этихъ сравнительно узкихъ круговъ за мнѣніе и настроеніе широкихъ народныхъ массъ. Въ этомъ лежитъ корень нашей постоянной переоцѣнки дѣйствительности, и намъ, товарищи, необходимо, во что бы то ни стало, отъ этого отдѣлиться.

Вдумаемся только въ положеніе дѣлъ. Вотъ уже 2 почти года, какъ всѣ говорятъ о неизбѣжной близости революціоннаго взрыва. И съ упорной послѣдовательностью моментъ взрыва откладывается предсказателями съ зимы на весну, съ весны на лѣто, съ лѣта на осень, съ осени на зиму, съ зимы опять на весну и т. д. Вспомните: развѣ прошлой осенью и зимой не говорили съ увѣренностью, что весна т а к ъ не пройдетъ? А между тѣмъ она прошла именно такъ. И развѣ лѣтомъ не всѣ съ увѣренностью предполагали, что въ случаѣ разгона Думы страна поднимется? Я былъ тогда внѣ жизни. Но настроеніе въ странѣ, очевидно, было такъ сильно, что оно передавалось даже тамъ, въ Сибири, черезъ тюремныя стѣны. Живо помню, какъ вечеромъ, во время повѣрки, получилась телеграмма о разгонѣ Думы, какъ всѣ каторжане, конвой, надзиратели, столпились вмѣстѣ, охваченные однимъ чувствомъ: вотъ, когда грянетъ буря! И конвойные, и надзиратели съ тревогой, растерянно спрашивали насъ: ну что же теперь? Какъ быть? Ужели опять смолчитъ? Надоть бы солдатикамъ то разъяснить, чтобъ за одно, стало быть, съ народомъ, да и дѣлу конецъ!..

Несомнѣнно, таково было настроеніе во всей странѣ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ настроеніемъ нашъ Центр. Ком. выпустилъ призывъ къ возстанію. Такой же призывъ былъ выпущенъ потомъ совмѣстно съ другими организаціями. И все же, несмотря на всѣ объективныя благопріятныя данныя, несмотря на полную увѣренность, что возстаніе будетъ—в о з с т а н і я н е б ы л о.

Не знаю, какъ вы, но мы тамъ, на каторгѣ, располагая временемъ, съ тревогой и тоской мучились тяжелой думой: что же это, наконецъ, за богами проклятый край—Россія, для которой никакіе, повидимому, законы общественнаго движенія не приложимы? Какъ бы то ни было, ясно одно, и это мы должны твердо запомнить: до сихъ поръ, дѣйствительность, какъ она ни ужасна, не ударила еще по народной душѣ: главный нервъ еще не задѣтъ, чего то еще не достаетъ, чтобы народъ понялъ, что кромѣ цѣпей ему терять нечего, и понявъ, нашелъ бы въ себѣ достаточно мужества, чтобы ринуться въ бой. Вотъ этотъ то главный нервъ, это нѣчто, еще оставшееся незатронутымъ, мы и должны найти.

Спѣшу оговориться: я знаю, что недостойное поведеніе депутатовъ,

разоѣжавшихся въ Выборгъ, а потомъ по домамъ, могло въ значительной степени ослабить настроеніе массъ, но я не думаю, чтобы это было единственной причиной молчанія страны.

А дальше? Изолированныя героическія выступленія Свеаборга, Кронштадта, Ревеля и Либавы остались неподдержанными, а страна имѣла позоръ терпѣливо сносить вакханалію правительственныхъ звѣрствъ. Да, товарищи, терпѣливо сносить, потому что тѣ отвѣты, которые давались онаглѣвшему правительству, тѣ удары, которые ему наносились, давались и наносились не всей страной, а отдѣльными лицами и организаціями.

Каковъ же смыслъ создавшагося положенія вещей и каково должно быть наше отношеніе къ Думѣ?

Отвѣтъ простъ. Допустимъ—Дума не созывается, никакихъ выборовъ, никакой думской дѣятельности не ожидается въ ближайшемъ будущемъ. Столыпинъ царствуетъ, страна молчитъ. Что тогда у насъ имѣлось бы въ виду? Какіе виды были бы у насъ тогда на подъемъ вооруженнаго возстанія? Не знаю, какъ вамъ, но мнѣ представляется, положеніе вещей было бы безконечно тяжелымъ. Чувствуется какая то мертвая точка, какой то тупикъ, въ который на время загнано движеніе. И я смѣю думать, что первое, что охватило бы массы—это глубокое уныніе, растерянность и сознаніе своей безпомощности.

Дума явилась, грубо выражаясь, той соломинкой, за которую хватается утопающій. Конечно не Дума сама по себѣ — это и отличаетъ насъ отъ кадетовъ,— а тѣ событія, которыя неизбѣжно должны развернуться въ связи съ существованіемъ Думы. Съ этой точки зрѣнія крайне недальновидными представляются мнѣ заявленія, что Дума ничто, что Дума—нуль, который намъ необходимо игнорировать. Дума ничто—если мы будемъ къ ней относиться легкомысленно; Дума—очень многое, если отнесемся такъ, какъ то подобаетъ серьезной политической партіи.

Если мы признаемъ, а мы не можемъ не признавать этого, что при отсутствіи на первыхъ порахъ Думы, мы даже приблизительно не представляемъ себѣ, какъ народное движеніе выйдетъ изъ мертваго тупика, въ который оно попало, если мы признаемъ, а мы не можемъ не признавать этого, организующее и революціонизирующее вліяніе Думы, то намъ совершенно ясно будетъ и наше отношеніе къ Думѣ, и тактика нашихъ депутатовъ въ ней, и внѣдумская тактика партіи.

И раньше всего—два слова о все еще продолжающемся спорѣ по поводу бойкота первой Думы и небойкота второй. Я не могу признать

ошибочнымъ бойкотъ первой Думѣ. Въ „Дѣлѣ Народа" мнѣ пришлось подробнѣе объ этомъ высказаться, теперь я буду кратокъ. Рѣшеніе съѣзда о бойкотѣ состоялось въ началѣ Января. Тогда другого рѣшенія съѣздъ не могъ принять. Мнѣніе это было преобладающимъ для всѣхъ лѣвыхъ, включая Союзъ Союзовъ. И было преобладающимъ потому, что тогда, въ первые дни торжества реакціи нельзя было предвидѣть, что трудящемуся классу удастся, хотя бы до нѣкоторой степени, провести своихъ представителей. Постановленіе о бойкотѣ тогда шло въ соотвѣтствіи съ общимъ настроеніемъ самихъ сознательныхъ трудящихся массъ. Къ апрѣлю измѣнилось положеніе, измѣнилось настроеніе. Прибавился новый факторъ: безумныя кровавыя репрессіи Витте-Дурново бросили самыхъ умѣренныхъ и отсталыхъ влѣво. Массы бросились къ урнамъ. Это было ихъ право, но это не доказываетъ, что нами была въ январѣ сдѣлана ошибка.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло теперь. Теперь споръ о бойкотѣ ведется только по недоразумѣнію. Передъ нами стоитъ вопросъ: должна ли партія Соц.-Револ. идти въ Думу или нѣтъ. И когда я слышу страстные споры по этому вопросу комитетовъ, невольно хочется имъ напомнить: Господа, вы сводите счеты безъ хозяевъ!

Да, безъ хозяевъ! Потому что, что такое Партія Соц.-Рев.? Развѣ эти маленькія групки, засѣдающія въ Комитетахъ? Партія—это организованный трудящійся классъ рабочихъ и крестьянъ. Его воля—это воля Партіи. И когда партія рѣшаетъ, идти ли въ Думу или нѣтъ, это конкретно значитъ, что рабочіе и крестьяне рѣшаютъ, выбирать или не выбирать. И если голосъ организованнаго Партіей пролетаріата и крестьянства ясно и опредѣленно рѣшаетъ: идти, комитеты и центральныя учрежденія Партіи—эти исполнительные органы трудящагося класса, должны провести въ жизнь его рѣшеніе.

На другую почву мы стать не можемъ.

Но этого мало. Въ данномъ случаѣ задача облегчается тѣмъ, что мы, не только должны, но и можемъ, не измѣняя своимъ принципамъ, идти въ Думу. Можемъ идти, потому что наше отношеніе къ Думѣ нисколько теперь не расходится съ отношеніемъ трудящагося класса. Теперь и онъ уже не ждетъ отъ самой Думы ничего существеннаго, теперь и онъ уже знаетъ, что Дума — это только 300—400 безоружныхъ человѣкъ,—ничто передъ силой правительства, если народъ не будетъ съ ними, и несокрушимая сила, если народъ на дѣлѣ, а не на словахъ только будетъ за нихъ. Дума и въ сознаніи народномъ теперь только одинъ изъ этаповъ революціоннаго движенія, въ качествѣ какового трудящійся классъ предлагаетъ своимъ представителямъ умно ее использовать.

Я не вижу противъ чего мы прегрѣшаемъ, если выполнили эту его волю.

Рѣшивъ утвердительно вопросъ объ участіи въ Думѣ, наши депутаты на ея порогѣ уже встрѣчаются съ первыми терніями—необходимостью подписать т. н. торжественное обѣщаніе. Рѣшеніе этого вопроса мнѣ представляется простымъ. Необходимость подписки была извѣстна раньше. Выбранный депутатъ самымъ согласіемъ баллотироваться предрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Теперь говорить объ этомъ уже поздно.

Вопросъ о томъ, образуютъ ли наши депутаты фракцію или группу, мнѣ кажется, здѣсь на съѣздѣ даже лишне и обсуждать. Вопервыхъ, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣщенъ въ отсутствіи депутатовъ. Во вторыхъ, рѣшеніе его въ ту или иную сторону зависитъ отъ массы обстоятельствъ политическаго и юридическаго характера, въ настоящее время еще не выяснившихся.

Я не думаю, чтобы вообще этому слѣдовало придавать особенное значеніе. Мы можемъ ограничиться постановленіемъ общаго характера желательности выступленія въ Думѣ депутатовъ соц.-рев.; вопросъ же о формѣ выступленія предоставить на рѣшеніе Ц. К. совмѣстно съ организовавшимися депутатами.

Какова должна быть тактика нашихъ депутатовъ въ Думѣ?

Раньше всего, мнѣ кажется, необходимо отказаться отъ излишней детализаціи. Не забудемъ: рѣчь идетъ о народныхъ представителяхъ, о нашихъ народныхъ представителяхъ. И самый характеръ ихъ дѣятельности и то уваженье, которое и партія обязана къ нимъ питать, вдвигаютъ вопросъ въ опредѣленныя рамки. Наша парламентская группа или фракція—это безразлично,—должна пользоваться широкой свободой и автономностью. Ошибочнымъ и безтактичнымъ было-бы со стороны партіи стремленье поставить думскую группу подъ мелочной контроль, навязывать ей по всѣмъ вопросамъ свои резолюціи и свою тактику. И, конечно, не партія соц.-рев. приметъ по отношенію къ народнымъ представителямъ такую позицію. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ установленію принципіальной тактики.

Всѣ мы здѣсь согласны съ тѣмъ, что Дума сама по себѣ безсильна, что ни водворить „свободъ“, ни вернуть землю она не въ состояніи, что она неизбѣжно будетъ разогнана, что она имѣетъ значенье лишь постольку, поскольку будетъ служить революціонизированію страны. Изъ этого дѣлается выводъ; тактика депутатовъ соц.-рев. должна быть революціонной. Выводъ конечно правильный. Но маленькая оговорка. „Не всякъ восклицающій: Господи, Господи, достоинъ царствія

небеснаго, а лишь дѣлающій дѣло Его". Не всякъ, восклицающій: Революція, Революція, достоинъ назваться революціонеромъ, а лишь дѣлающій дѣло революціи. Разграничимъ рѣзко: есть революціонное дѣло и есть революціонная фраза. Есть тактика, революціонная по существу и есть тактика революціонная лишь по формѣ.

Возьмемъ примѣръ: меня выбрали въ депутаты (чего на свѣтѣ не бываетъ?). Я революціонеръ, я противъ какихъ-либо компромиссовъ. Я являюсь въ Думу, всхожу на кафедру, говорю, что эта Дума обманная, что дѣлать мнѣ здѣсь нечего. Я оборачиваюсь къ царскому портрету, бросаю ему отъ имени трудящагося класса перчатку, и съ возгласомъ: долой самодержавіе! да здравствуетъ революція! ухожу.

Поведеніе революціонное, не правда ли! А можетъ быть просто нелѣпо мальчишеское? Ибо каковъ будетъ результатъ? Развѣ я этимъ хоть сколько нибудь подвинулъ народъ на путь возстанія? И не скажутъ ли мнѣ мои сознательные избиратели: для того ли мы послали тебя, чтобы ты въ первый же день вернулся къ намъ обратно?

Стало быть изъ того, что мы не сомнѣваемся въ неизбѣжности разгона Думы, совсѣмъ не слѣдуетъ, что мы этотъ разгонъ должны ускорить, и что онъ для насъ выгоденъ всегда, при всякихъ условіяхъ.

Наши депутаты должны быть противъ тактики исчерпывающейся словами: пришли, увидѣли и были разогнаны.

Мы не боимся разгона. Но такъ какъ для организаціи и революціонизированія массъ намъ Дума необходима, мы не должны чисто внѣшними, мало понятными для народа поводами вызывать и ускорять неизбѣжный моментъ.

Дума должна стать странѣ близкой и дорогой. Въ сознаніи народномъ наши депутаты должны быть людьми, желающими работать и умѣющими работать для блага страны. И пусть для всего народа ясно станетъ то, что давно ясно для насъ: вотъ собрались народные избранники. Упорно, не покладая рукъ, они хотѣли честно выполнить возложенныя на нихъ трудящимся классомъ обязанности. И какъ только царское правительство убѣдилось, что они серьезно занялись дѣломъ, оно разогнало ихъ. И чѣмъ болѣе рѣзкой будетъ тактика по существу и менѣе рѣзкой по формѣ, тѣмъ существеннѣе для дѣла революціи будутъ результаты. Коротко: тактика нашихъ депутатовъ должна быть такова, чтобы въ сознаніи народномъ отвѣтственность за разгонъ всею тяжестью легла на правительство.

Одно обстоятельство дѣлаетъ работу нашихъ депутатовъ въ высшей

степени сложной и требующей громаднаго политическаго такта. Дума оппозиціонная. Но составъ оппозиціи въ партійномъ отношеніи не однообразный. Ни одна партія не имѣетъ абсолютнаго большинства.

Подумайте, какое потрясающее положеніе можетъ получиться, если депутаты, вмѣсто того, чтобы дружно направить свои силы противъ общаго врага, вооруженнаго теперь съ ногъ до головы, займутся по россійскому обычаю, взаимной борьбой.

Представьте себѣ, если при взаимныхъ распряхъ и несогласованномъ выступленіи лѣвой будетъ тормозиться работа Думы, и правительство вправѣ будетъ обратиться къ странѣ съ заявленіемъ: вотъ, ваши депутаты не могутъ даже между собой поладить, и никакого дѣла не дѣлаютъ!

Не разувѣрится ли народъ въ самой возможности управленія посредствомъ народнаго представительства?

Вѣдь не малая часть людей и теперь твердитъ, что для Россіи парламентъ учрежденіе совершенно несообразное, что русскій народъ не доросъ до парламентской жизни и долженъ управляться отечески попечительнымъ начальствомъ. Не смѣйтесь надъ этими рѣчами! Вся вздорность ихъ ясна для насъ, но мысль широкихъ массъ легко можетъ пойти по этому пути, если на первыхъ же порахъ они не увидятъ въ своихъ депутатахъ людей, способныхъ ради общаго дѣла и блага отбрасывать все мелкое и несущественное.

Въ той великой борьбѣ, которая намъ предстоитъ, нужна крайняя экономія силъ. Преступно хотя бы крупинку пороху тратить безъ надобности. И въ свалкѣ борьбы мы ни на одну секунду не должны терять изъ виду главнаго врага. Этотъ главный врагъ сейчасъ, сію минуту—царское самодержавіе и поддерживающее его высшее дворянство. Не примите за ересь: въ настоящій моментъ я на полѣ брани не вижу другихъ серьезныхъ противниковъ, и ясно: всѣ удары должны направляться туда. Я остаюсь при старомъ мнѣніи: кадеты пока не наши враги и намъ не опасны. Мы для нихъ враги и враги опасные, но намъ бороться теперь съ ними нѣтъ надобности. Ихъ дни сочтены: особыя историческія условія выдвинули ихъ на арену; еслибы они стояли на ней твердо—они сослужили бы не малую службу дѣлу свободы. Но какъ только,—съ ними, или безъ нихъ—свобода будетъ завоевана,—какъ партія они въ Россіи исчезнутъ. Масса за ними не пойдетъ: массѣ мѣсто только въ рядахъ соціализма. Чего же ради мы будемъ тратить силы на борьбу съ ними? И не только тратить безполезно силы, но еще мѣшать имъ дѣлать ту часть полезнаго дѣла, на которую они несомнѣнно способны?

Право, надо безнадежно не вѣрить въ правоту и жизненность своей партіи, чтобы такъ бояться сотрудничества въ борьбѣ съ врагомъ. Сегодня дѣлу свободы полезенъ всякій, кто бьетъ врага свободы. И всѣмъ имъ мы говоримъ — добро пожаловать! И говоримъ это искренно и безбоязненно, такъ какъ знаемъ и вѣримъ, что въ тотъ моментъ, когда можно будетъ передъ трудящимся классомъ открыто и во всю широту развернуть программу Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, онъ пойдетъ подъ ея знамя и только подъ ея знамя.

И мы должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы всѣ соціалистическія группы выступили дружно и согласованно вмѣстѣ, а въ борьбѣ за „свободы" и противъ реакціи—совмѣстно со всей оппозиціей.

Пусть отвѣтственность за изолированное выступленіе, за разъединеніе оппозиціи падаетъ не на нашу думскую группу. Ибо ясно: эта отвѣтственность будетъ тяжелымъ камнемъ, надгробнымъ камнемъ для партіи, которую она придавитъ.

Я исчерпалъ уже свое время, а мнѣ еще осталось разобрать послѣдній пунктъ. Постараюсь быть краткимъ.

Мнѣ кажется, вопросъ о террорѣ въ думскій періодъ вызвалъ здѣсь такія страстныя пренія въ значительной степени благодаря недоразумѣнію. Одни, какъ будто защищая предложеніе Ц. К., говорили о необходимости прекратить терроръ, другіе возражали. Между тѣмъ, вѣдь Ц. К. никакого предложенія о прекращеніи террора не вносилъ. Рѣчь идетъ о томъ, что по мнѣнію Ц. К. обстоятельства теперь м о г у т ъ сложиться такъ, что въ ближайшемъ будущемъ потребуется или усилить терроръ или временно прекратить его.

Противъ возможной необходимости усиленія террора, повидимому, не возражаютъ. Но зато страстные нападки встрѣчаетъ предположеніе возможной необходимости временно пріостановить его.

И нападки были такъ сильны, что одинъ ораторъ даже высказалъ мысль, что онъ вообще не видитъ надобности въ пріостановкѣ террора, такъ какъ де не представляетъ себѣ, когда бы террористическій актъ могъ оказаться не полезнымъ. Когда мы слышимъ такія рѣчи, невольно закрадывается мысль, что въ Партіи участвуютъ лица, лишь по недоразумѣнію туда попавшія, такъ какъ мѣсто имъ среди анархистовъ. Съ какихъ это поръ для соц.-революціонера терроръ сталъ самодовлѣющимъ средствомъ, умѣстнымъ и полезнымъ во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ? Мы—партія, допускающая терроръ. Но мы знаемъ, что есть обстоятельства, при которыхъ онъ не только безполезенъ, но безконечно вреденъ. Да! Возьмемъ примѣръ. Припомните

14 февраля день убійства Боголѣпова. Припомните тотъ громадный общественный подъемъ, тотъ всеобщій восторгъ, который вызвала пуля Карповича. Но что если бы не по разуму рьяный послѣдователь Карповича вслѣдъ за тѣмъ застрѣлилъ бы Ванновскаго? Припомните бомбу Сазонова, когда въ дыму, въ крови, въ грохотѣ падающихъ обломковъ рухнулъ кошмаръ страны — режимъ Плеве, и политическое значеніе террористическаго акта поднялось на небывалую высоту; предположите, что вслѣдъ затѣмъ бомба бросается подъ карету Святополка-Мірскаго. Вотъ вамъ два акта. Въ одномъ случаѣ— громадная польза, въ другомъ—не менѣе громадный вредъ. Террористическій актъ Партіи Соц.-Револ. не есть физическое убійство, физическое уничтоженіе носителя власти. Для насъ терроръ имѣетъ другое значеніе и быть можетъ теперь это не безполезно ясно и отчетливо вспоминать и повторять.

Когда общественное негодованіе, общественная ненависть сосредоточивается вокругъ какого-либо правительственнаго агента, — все равно, высшаго или нисшаго, когда этотъ агентъ становится символомъ насилія и деспотизма, когда его дѣянія становятся вредными для общественнаго блага, когда въ распоряженіи страны нѣтъ никакихъ средствъ обезвредить его и когда само его существованіе является оскорбленіемъ для общественной совѣсти,— послѣдняя открываетъ дверь террору—выполнителю приговора, выжженнаго въ сердцахъ сознательныхъ гражданъ. И когда раздается взрывъ бомбы—изъ народной груди вырывается вздохъ облегченія. Тогда всѣмъ ясно: совершился судъ народный! Не надо никакихъ объясненій, никакихъ прокламацій. Страна ждала этого суда, страна знаетъ, за что убитъ насильникъ, страна знаетъ, что не убивать его было нельзя, страна знаетъ, что только убійствомъ можно было спасти отъ него народъ. Вотъ когда убійство, отъ котораго естественно отшатывается человѣческая натура, становится великимъ подвигомъ, а „убійца“ національнымъ героемъ.

Но изъ этого слѣдуетъ только одинъ выводъ: террористическій актъ допустимъ не тогда, когда его можно дѣлать, а когда его должно дѣлать, и что бываютъ случаи, когда брошенная бомба убиваетъ не только того, въ кого она брошена, но и организацію, отъ имени которой она брошена.

Изъ этого общаго положенія намъ не трудно сдѣлать правильный выводъ для интересующаго насъ частнаго случая—примѣнимости или непримѣнимости террора въ думскій періодъ.

Допустимъ ли въ этотъ періодъ терроръ? И да, и нѣтъ.

Да—если Дума ничего не измѣнитъ въ странѣ; да—если страна не будетъ ждать, что Дума сама можетъ что-либо измѣнить.

Нѣтъ—если Дума, паче чаянія, окажется въ состояніи начать водворять политическую свободу въ погибающей отъ безправія странѣ. Нѣтъ—если для страны не ясно будетъ направленіе правительства, если общественное вниманіе и надежды будутъ сосредоточены вокругъ Думы и борьбы въ Думѣ.

Говорятъ—развѣ мыслимо одновременно существованіе Думы и террористической борьбы? Да, отвѣтимъ мы, мыслимо! Если мыслимо существованіе страны, гдѣ при наличности парламента естественной конституціей все же является казацкая нагайка, диктующая всѣ законы и гуляющая по спинамъ самихъ „священно-неприкосновенныхъ" законодателей, то неизбѣжнымъ дополненіемъ къ такой конституціи долженъ быть терроръ. Гдѣ плеть и нагайка—тамъ револьверъ и бомба.

Такъ было, такъ есть, такъ будетъ. У событій своя логика, и противъ этой логики мы безсильны. Дѣло нисколько не мѣняется отъ того, что въ Думѣ будутъ сидѣть наши депутаты. Дѣло вообще не въ томъ, к т о сидитъ въ Думѣ, а въ томъ, ч т о сидящіе въ Думѣ въ состояніи дать странѣ. И наша тактика можетъ быть выражена кратко: при хорошей Думѣ и плохая бомба лишняя и скверная вещь; при плохой Думѣ хорошая бомба—вещь неизбѣжная.

И такъ какъ острота борьбы зависитъ исключительно отъ правительства, намѣреній котораго мы въ настоящую минуту не знаемъ, такъ какъ въ каждый моментъ при сложности создавшагося положенія, можетъ потребоваться въ зависимости отъ правительственной политики измѣненіе боевой тактики въ сторону ли ея усиленія или временной пріостановки, эта тактика должна быть поставлена въ условія, удобныя для быстраго регулированія.

Единственно надежнымъ къ тому средствомъ — поставить всѣ террористическіе акты, имѣющіе общеполитическое значеніе подъ строгій контроль Центр. Ком.

Это значитъ, что Ц. К., въ зависимости отъ измѣняющейся политической обстановки, можетъ въ каждый данный моментъ пріостановить готовящіеся террористическіе акты. Это значитъ, что Партія съумѣетъ оградить себя отъ ненужныхъ и нецѣлесообразныхъ въ извѣстный моментъ актовъ.

Мѣра эта должна быть временной, впредь до окончательнаго выясненія правительственной политики, послѣ чего терроръ региструется въ прежнихъ принятыхъ и утвержденныхъ Партіей формахъ.

Не будемъ ни преувеличивать, ни уменьшать значенія образованія нашей думской группы.

Когда, въ 1789 г. Людовикъ XVI угрожалъ Національному Собранію разгономъ. Мирабо обратился къ депутатамъ со словами: „граждане, вы сегодня тѣ же что вчера—приступимъ къ преніямъ".

Когда Николай II, участь котораго — надо думать, будетъ одинакова съ участью Людовика, царскимъ указомъ собралъ Думу, мы тоже можемъ обратиться, къ вамъ съ тѣми же словами: „товарищи, мы сегодня тѣ же, что вчера—приступимъ къ дѣлу"!

Да! Мы сегодня тѣ же, что вчера.

Но обстоятельства, условія, среди которыхъ мы работаемъ, могутъ быть завтра другія — тогда и мы иначе будемъ дѣйствовать. Условія останутся тѣ же—наши дѣйствія будутъ тѣ же.

Товарищи! Я знаю, я хорошо знаю, что потрясающія условія русской дѣйствительности зажгли злобой и ненавистью сердца всѣхъ честныхъ людей.

Я знаю, что еслибы мы хотѣли заставить царскихъ работниковъ—нашихъ россійскихъ властителей искупить хотя бы тысячную долю тѣхъ безконечныхъ страданій и мукъ, которыя они причинили народу, отвѣтить хотя бы въ малѣйшей степени за цѣлыя моря невинной крови и слезъ,—я знаю, товарищи, самъ адъ не могъ бы придумать казней и пытокъ достаточно справедливыхъ и достаточно ими заслуженныхъ.

Но здѣсь сегодня мы глубоко затаимъ въ душѣ всѣ чувства. Все это мы оставили тамъ, за порогомъ этой залы. Здѣсь мы безстрастные общественные дѣятели, подчиняющіеся только холодному политическому расчету. Твердыя какъ сталь и холодная какъ камень, да будутъ сегодня наши сердца, и при рѣшеніи вопросовъ подчинимъ ихъ голосу разсудка.

Чувству мести не должно быть мѣста.

Велика отвѣтственность наша передъ пославшими насъ, если мы будемъ руководствоваться лозунгомъ нашего съѣзда—умереть честно и умно.

Позоръ человѣчества—царское самодержавіе и дворянскую эксплуатацію мы разрушимъ, но разрушимъ такъ, чтобы подъ обломками и раздавленнымъ чудовищемъ не погибло наше знамя. На развалинахъ безправія и угнетенія мы водрузимъ наше незапятнанное красное знамя революціоннаго соціализма. (Дружныя и продолжительныя рукоплесканія).

Цѣна 2 коп.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б)
№ 11903.

349
927

2 Ug 64